

ИЗ ДЕТСТВА

Давид Самойлов

Давид
Самойлов

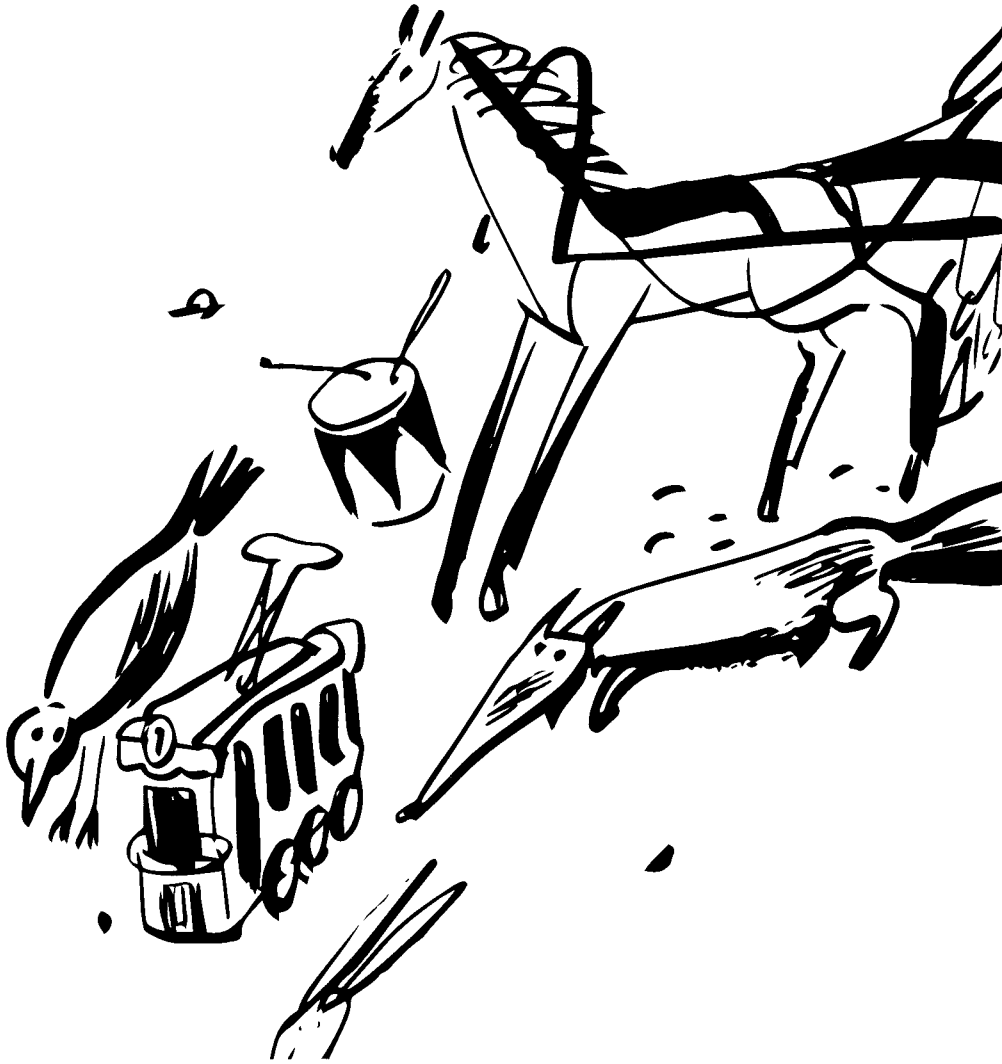

Из
детства

стихи

Давид Самойлов

Давид
САМОЙЛОВ

ИЗ ДЕТСТВА

*Художник
Евгения Двоскина*

Москва
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-5
С17

Оформление, макет книги
Валерий Калныньш

С17 **Самойлов, Д.**
Из детства : Стихи / Давид Самойлов ; составитель Андрей Немзер ;
художник Евгения Двоскина. — М. : Время, 2020. — 128 с. : ил. (Время — детство!)

ISBN 978-5-9691-1817-1

Даты рождения стихотворений, составивших эту книгу, ясно свидетельствуют: раздумья о детстве и отрочестве, стремление воскресить свою «начальную пору» и открыть в ней общий для всех духовный смысл никогда не оставляли Давида Самойлова (1920—1990). Один из самых больших русских поэтов XX столетия всю жизнь сохранял верность этой теме — разом счастливой и трагической, занимавшей совершенно особое место в его мире. Понимание этого позволило сделать то, что было лишь тайно намечено самим поэтом, — собрать под одной обложкой самоейловскую лирику, вышедшую «из детства». Название книги не только формально повторяет имя бесспорного поэтического шедевра, но и сохраняет его смысл. Стихотворение «Из детства» в равной мере говорит и о том, что пора нашего открытия жизни, собственного «я», поэзии всегда остается с нами, и о ее конечности. Предлог «из» означает как принадлежность детству, так и выход за его пределы. Стихи Самойлова могут помочь нам сохранить щемящее, жизненно необходимое чувство теснейшей связи отцов и детей (А. Немзер).

ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN: 978-5-9691-1817-1

9 785969 118171

© Давид Самойлов, наследники, 2020
© Андрей Немзер, составление, 2020
© «Время», 2020

забытые
и не
ли

СТИХИ

СКАЗКА

Мальчик строил лодку.
И построил лодку.
И поплыл по речке
В тихую погоду.
Лодка острым носом
Воду бороздила.
Облако дорогу
Ей загородило.

Мальчик въехал в облако,
В белое, густое.
А за первым облаком —
Облако второе,
Облако пуховое,
Облако из снега.

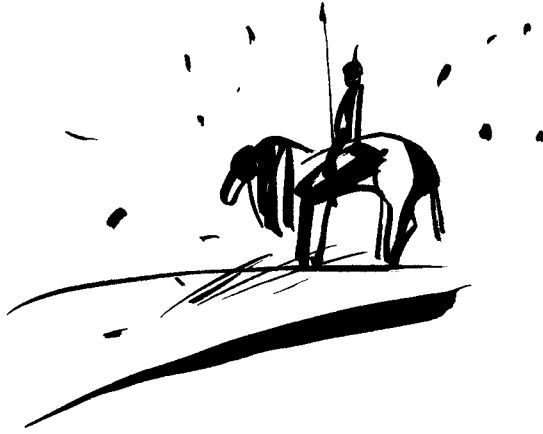
А за третьим облаком
Начиналось небо.

Мальчик плыл не речкою,
Мальчик плыл по Млечному,
По небу проточному
В сторону восточную.

Мальчик плыл по звездам,
К месяцу тянулся.
Покатался по небу
И домой вернулся.

1955

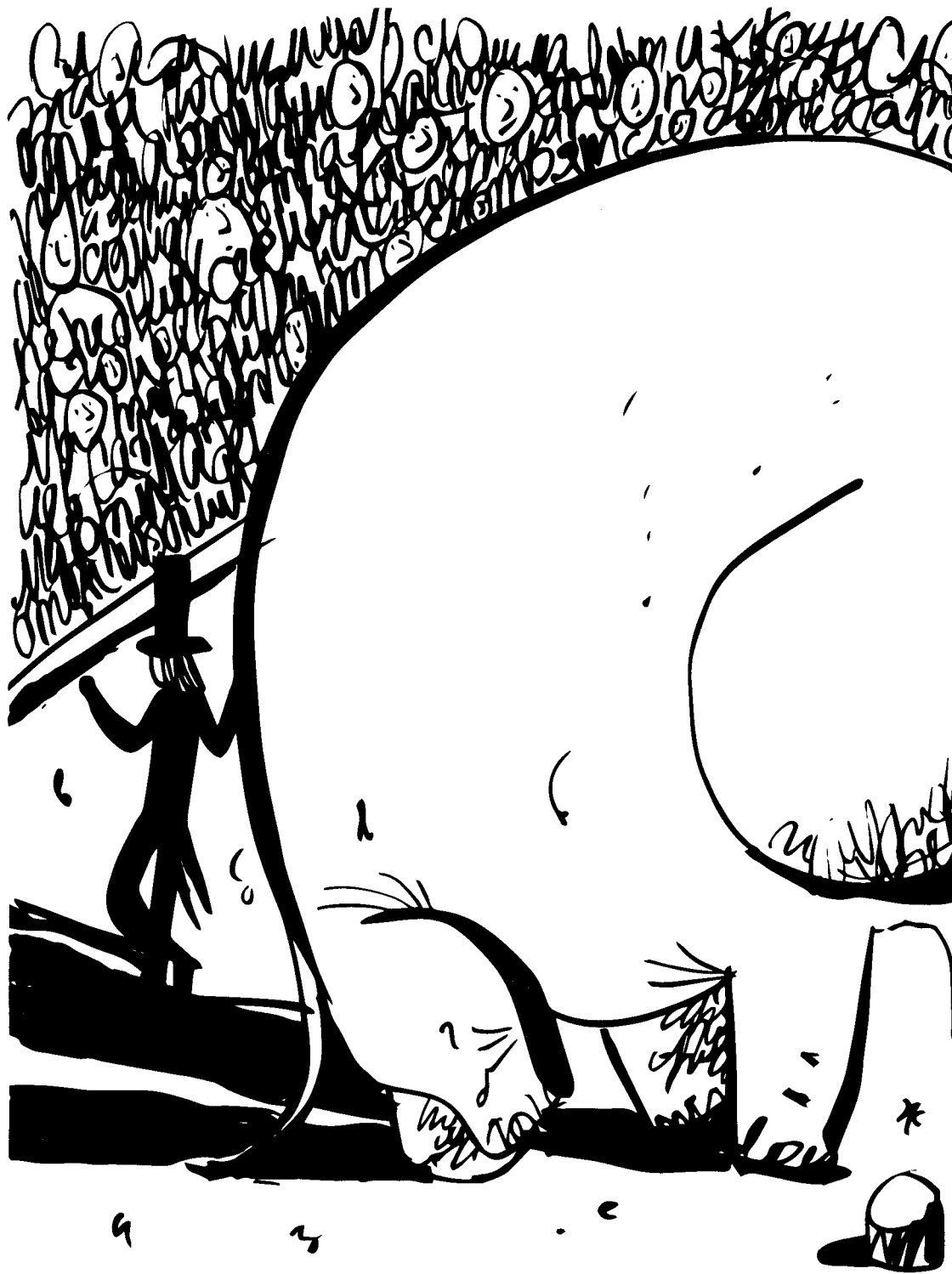
ИЗ ДЕТСТВА

Я — маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Сбирается вещей Олег...»

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке душу,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

1956

ЦИРК

Отцы поднимают младенцев,
Сажают в моторный вагон,
Везут на передних сиденьях
Куда-нибудь в цирк иль в кино.

И дети солидно и важно
В трамвайное смотрят окно.

А в цирке широкие двери,
Арена, огни, галуны,
И прыгают люди, как звери,
А звери, как люди, умны.

там слон вдруг капельмейстер проворный

Там слон понимает по-русски,
Дворягa поет по-людски.
И клоун без всякой закуски
Глокает чужие платки.

Обиженный кем-то коверный
Несет остроумную чушь.
И вдруг капельмейстер проворный
Оркестру командует туш.

каждый из нас найдет свой путь и веру, встанет на свои

И тут верховые наяды
Слетают с седла на песок.
И золотом блещут наряды,
И купол, как небо, высок.

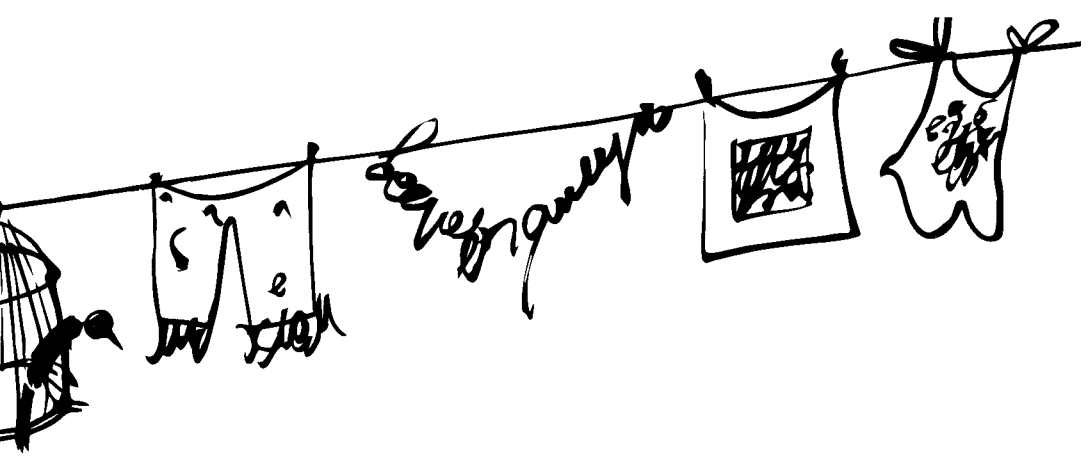

А детям не кажется странным
Явление этих чудес.
Они не смеются над пьяным,
Который под купол полез.

Не могут они оторваться
От этой высокой красы.
И только отцы веселятся
В серьезные эти часы.

1956

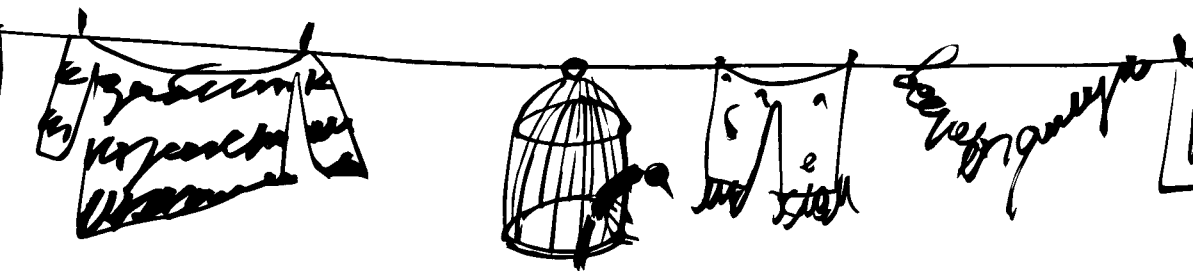
ЗОЛУШКА

Веселым зимним солнышком
Дорога залита.
Весь день хлопочет Золушка,
Делами занята.

Хлопочет дочь приемная
У мачехи в дому.
Приемная-бездомная,
Нужна ль она кому?

Белье стирает Золушка,
Детей качает Золушка,
И напевает Золушка —
Серебряное горлышко.

В окне — дорога зимняя,
Рябина, снегири.
За серыми осинами
Бледнеет свет зари.

А глянешь в заоконные
Просторы без конца —
Ни пешего, ни конного,
Ни друга, ни гонца.

Посуду моет Золушка,
В окошко смотрит Золушка,
И напевает Золушка:
«Ох, горе мое, горюшко!»

Все сестры замуж выданы
За ближних королей.
С невзгодами, с обидами
Все к ней они да к ней.

Блестит в руке иголочка.
Стоит в окне зима.
Стареющая Золушка
Шьет туфельку сама...

1957

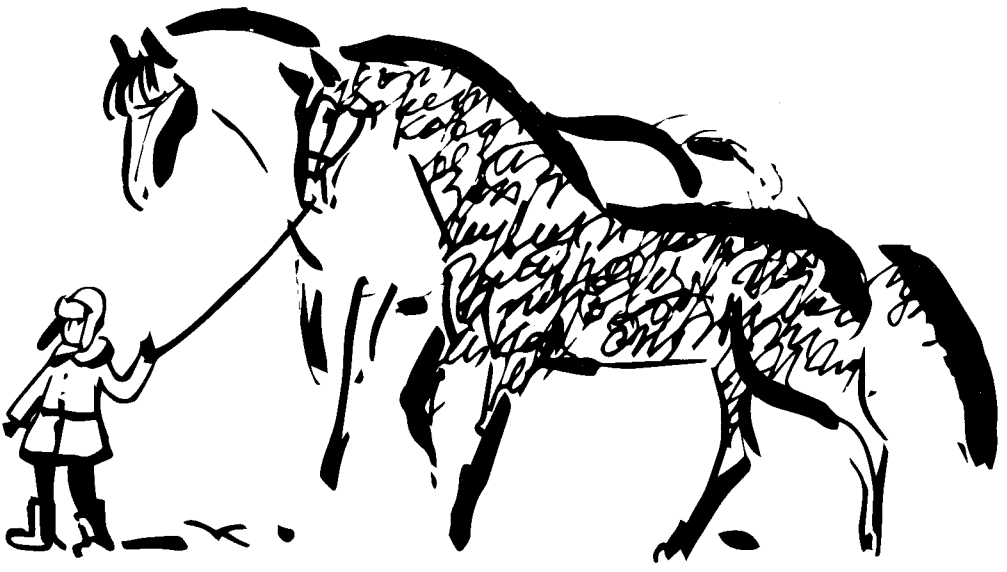

ЗИМНИЕ СТИХИ

Утром, только солнцу встать,
Выхожу стихи искать.

Вон лежат стихи мои,
Только выйду на луга, —
Как застывшие ручьи,
Как январские снега.

Вон шумят, как воробьи,
Над лесочком молодым.
Вон встают стихи мои
Над трубою, словно дым.

Вот коней ковать ведут,
Затянувши кожухи,
Или по воду идут
В пуховых платках стихи.

Я гляжу на их полет,
На походку, на разбег...
Что за звонкий нынче лед!
Что за свежий нынче снег!

1957?

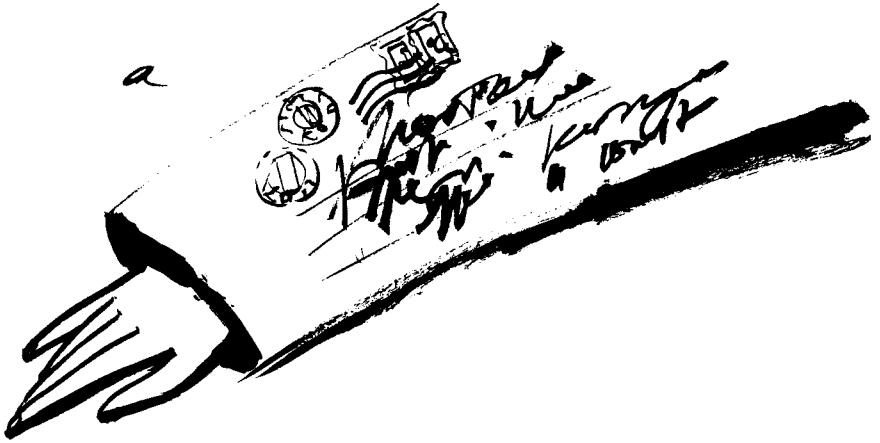

r

h

s

[A large, dense, and highly stylized handwritten signature or scribble, possibly containing the name 'M. J. ...', written in black ink.]

АЛЕНУШКА

Когда настанет расставаться —
Тогда слетает мишура...
Аленушка, запомни братца!
Прощай — ни пуха ни пера!

Я провожать тебя не выйду,
Чтоб не вернулась с полпути.
Аленушка, забудь обиду
И братца старого прости.

Твое ль высокое несчастье,
Моя ль высокая беда?..
Аленушка, не возвращайся,
Не возвращайся никогда.

1960

y x q c

l

r

c

r

o

7

m

n

v

7

c

)

λ

m

1
0
1
→
x
r
h
h
h

* * *

Подставь ладонь под снегопад,
Под искры, под кристаллы.
Они мгновенно закипят,
Как плавкие металлы.

Они растают, потекут
По линиям руки.
И станут линии руки
Изгибами реки.

Другие линии руки
Пролягут как границы,
И я увижу городки,
Дороги и столицы.

Моя рука как материк —
Он прочен, изначален.
И кто-нибудь на нем велик,
А кто-нибудь печален.

А кто-нибудь идет домой,
А кто-то едет в гости.
А кто-то, как всегда зимой,
Снег собирает в горсти.

7

2

8

Как ты просторен и широк,
Мирок на пятерне.
Я для тебя, наверно, Бог,
И ты послушен мне.

Я берегу твоих людей,
Храню твою удачу.
И малый мир руки моей
Я в рукавичку прячу.

1961

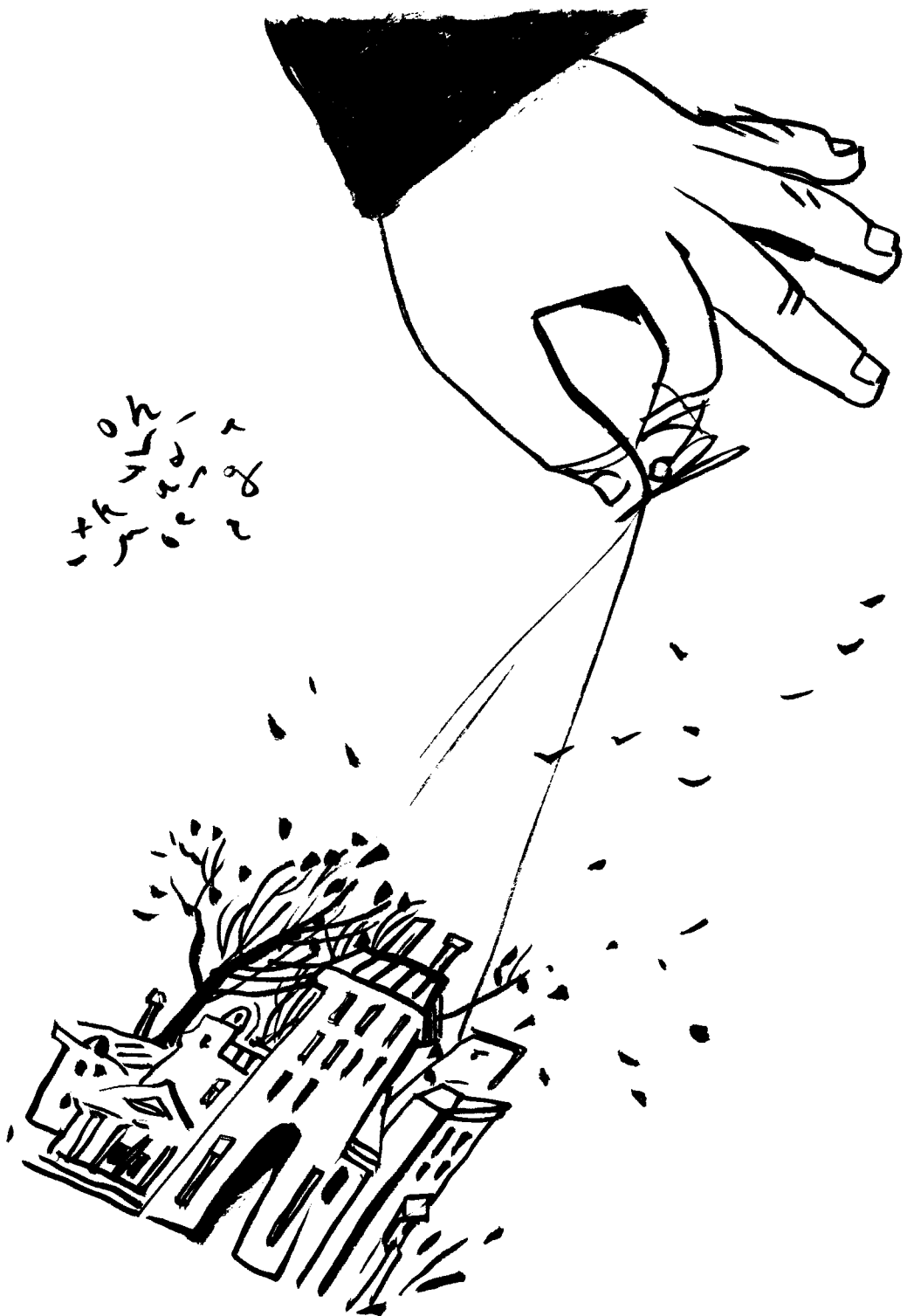
КАРУСЕЛЬ

Артельщик с бородкой
Взмахнул рукавом.
И — конь за пролеткой,
Пролетка за конем!

И — тумба, и цымба!
И трубы — туру!
И вольные нимбы
Берез на ветру.

Грохочут тарелки,
Гремит барабан,
Играет в горелки
Цветной балаган.

Он — звонкий и легкий —
Пошел ходуном.
И конь за пролеткой,
Пролетка за конем!

То красный, как птица,
То желтый, как лис.
Четыре копытца
Наклонно взвились.

Летит за молодой
Платочек вьюном.
И — конь за пролеткой,
Пролетка за конем!..

Сильнее на ворот
Плечом поднажать,
Раскрутишь весь город,
Потом не сдержать.

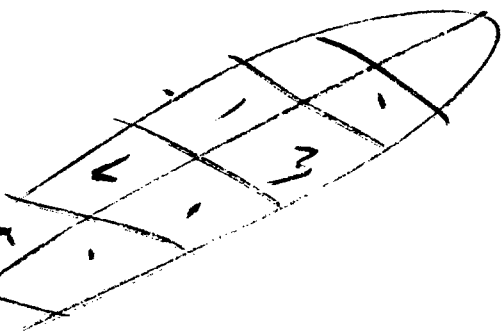
За городом роща,
За рощею дол
Пойдут раздуваться,
Как пестрый подол.

Артельщик хохочет —
Ему нипочем:
Взял город за ворот
И сдвинул плечом.

1961

xagruu k loar usagruu

Д В О Р

Ходили к нам шарманщики,
Они играли вальсы.
А девочки и мальчики
Вокруг сосали пальцы.

Весь день торчал над козлами
Матрасник — враль известный, —
Вились пружины кольцами
Пред ним, как дым железный.

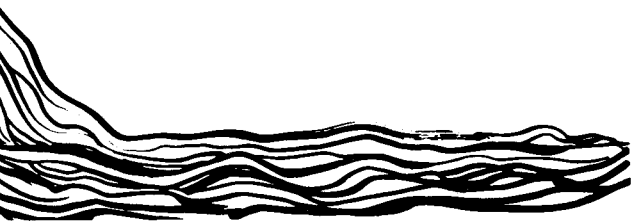
Стекольщики стеклили,
Лудильщики лудили,
Паяльщики паяли,
Точильщики точили.

А у окошка розовая
Прядильщица Елена,
Волосы расчесывая,
Цвела, как Лорелея.

Она была красавица,
Все это понимали.
И чтобы ей понравиться,
Меры принимали.

Шарманщик проворачивал
Ей вальсы бесконечно,
И попка, молью траченный,
Ей подавал колечко.

Лудильщики, паяльщики
Ей подносили брошки,
Стекольщик светлым зайчиком
Ей застеклял окошки.

Но вот весной, летом ли
Случилась перемена.
Пришел матросик с лентами —
Увез от нас Елену.

Во двор идти не хочется,
Заброшена игра...
А может, детство кончилось
И тянет со двора.

1961

concerned
with
the
future
of
the
world
and
the
role
of
the
individual
in
it
and
the
role
of
the
individual
in
it

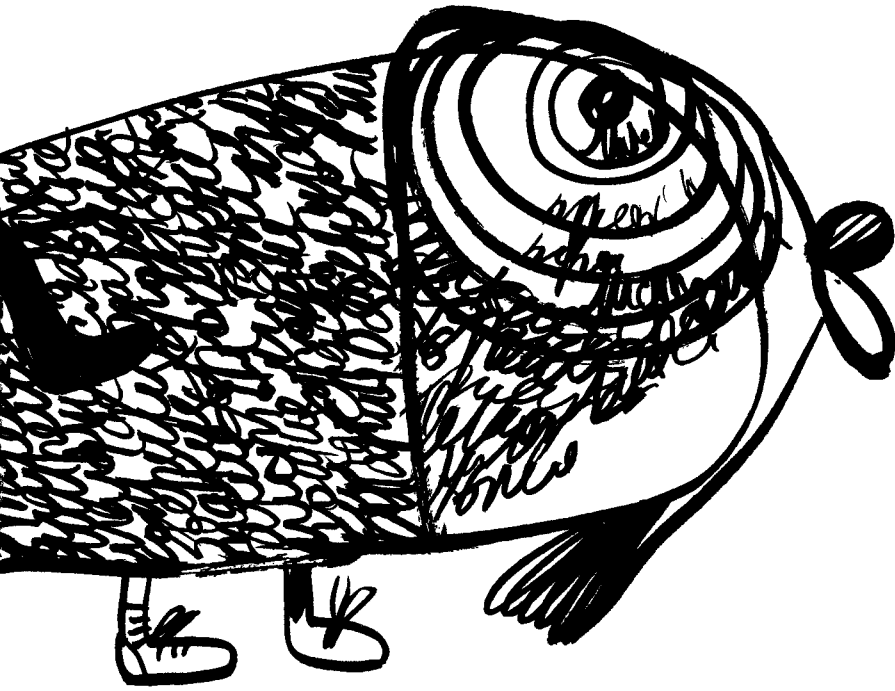
РИСУНОК

Марии Кросс

Как весело рисуют дети
Доверчивые чудеса —
Не Истину и Добродетель,
А человечка или пса.

И пес неистов и оранжев,
В зубах зеленое: «Гав-гав!»
И, радуги разбудоражив,
Конь скачет о шести ногах.

А над конем летит сорока,
Летит дорога под коня,
Хочет солнце кособоко,
И улыбается луна.

И человечек-огуречик
С овальным розовым брюшком,
Так беззаботен, так доверчив,
На том коне сидит бочком.

Он твердо знает, что доскачет,
Застенчивый до немоты,
И в руки маленьких циркачек
Положит красные цветы...

Дитя! От мыслей безрассудных
Меня чертою отдели.
Пусти, пусти меня в рисунок
И в добром мире посели!

1962

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВПОЛГОЛОСА

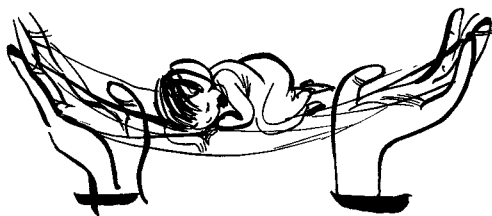
Ну вот, сыночек, спать пора,
Вокруг деревья потемнели.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.
Закрой глаза. Вверху луна,
Как рог на свадьбе кахетинца.
Кричит, кричит ночная птица
До помрачения ума.

Усни скорее. Тополя
От ветра горько закрипели.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.
Все засыпает. Из-под век
Взирают тусклые болотца.
Закуривает и смеется
Во тьме прохожий человек.

Березы, словно купола,
Видны в потемках еле-еле.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.

1963

ПОДРОСТОК

Подросток! Как по нежному лекалу
Прочерчен шеи робкий поворот.
И первому чекану и закалу
Еще подвергнут не был этот рот.

В ней красота не обрела решенья,
А истина не отлилась в слова.
В ней лишь мольба, и дар, и приношенье.
И утра свет. И неба синева.

1964—1965

was in the middle of
a war & the factory on
the left side of the
main line

ДВОР МОЕГО ДЕТСТВА

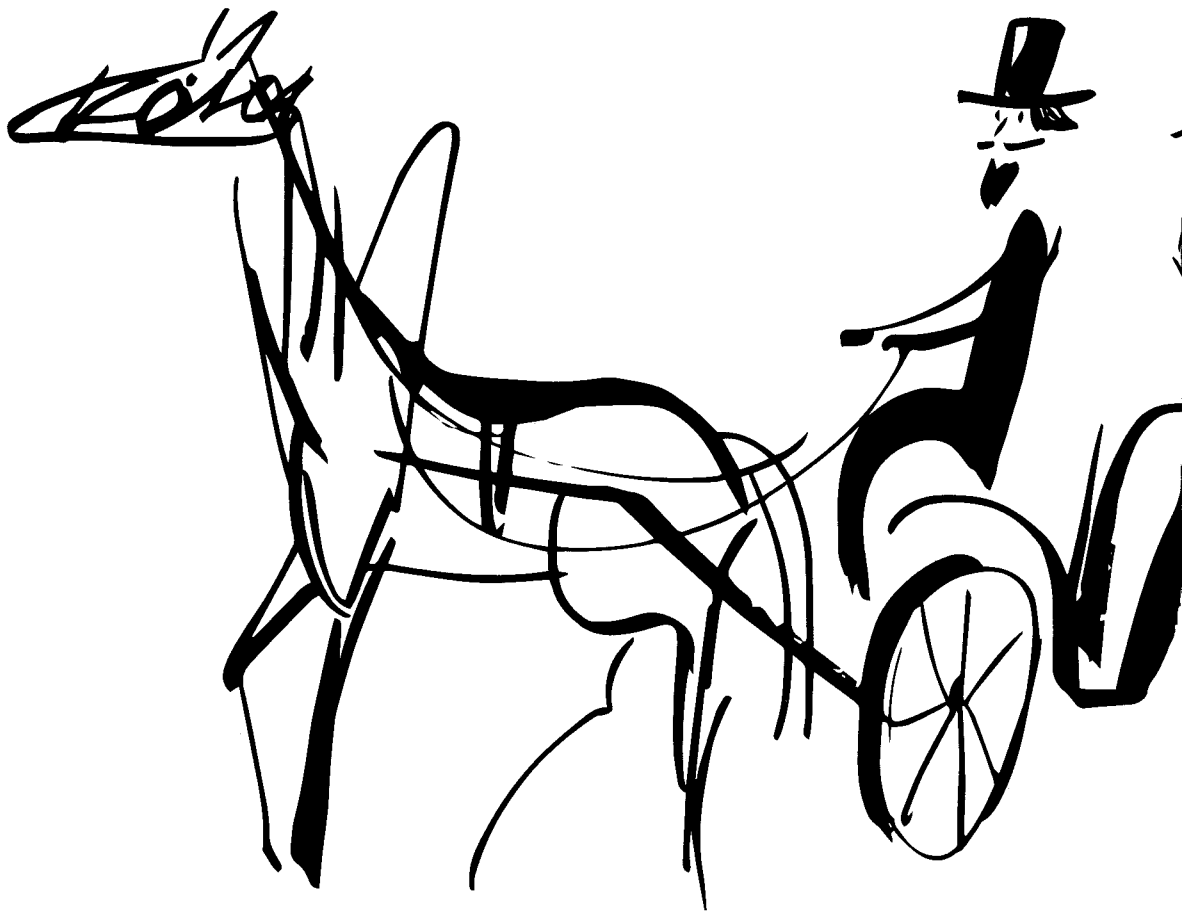
Еще я помню уличных гимнастов,
Шарманщиков, медведей и цыган
И помню развеселый балаган
Петрушек голосистых и носастых.
У нас был двор квадратный. А над ним
Висело небо — в тучах или звездах.
В сарае у матрасника на козлах
Вились пружины, как железный дым.
Ириски продавали нам с лотка.
И жизнь была приятна и сладка...
И в той Москве, которой нет почти
И от которой лишь осталось чувство,
Про бедность и величие искусства
Я узнавал, наверно, лет с пяти.

Я б вас позвал с собой в мой старый дом...
(Шарманщики, петрушка — что за чудо!)
Но как припомню долгий путь оттуда —
Не надо! Нет!.. Уж лучше не пойдем!..

1966

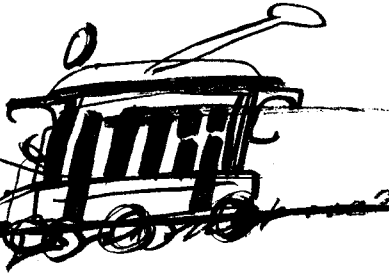

ВЫЕЗД

Помню — папа еще молодой.
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик — лихой, завитой.
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве — допотопный трамвай,
Где прицепом старинная конка.
А над Екатерининским — грай.
Все впечаталось в память ребенка.

Помню — мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то зачем-то мы едем!

Москва — высокая и светлая,
Суматоха Охотного Ряда.
А потом — купола, купола,
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода.
Конь горяч. И пролетка крылата.
И мы едем незнамо куда —
Все мы едем и едем куда-то.

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного Ряда.
А потом — купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

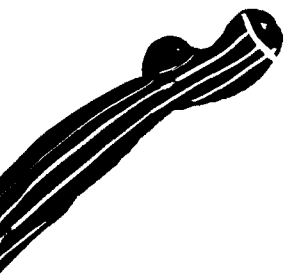
Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода.
Конь горяч. И пролетка крылата.
И мы едем незнамо куда —
Все мы едем и едем куда-то.

1966

прекрасно
Мама
Особенно мама
Особенно пишу
Особенно маме и папе
Хотел бы и я познакомиться
В том маленьком
Землячке звать маме
Мама хорошие маме
Такие хорошие мама

МАРИИ

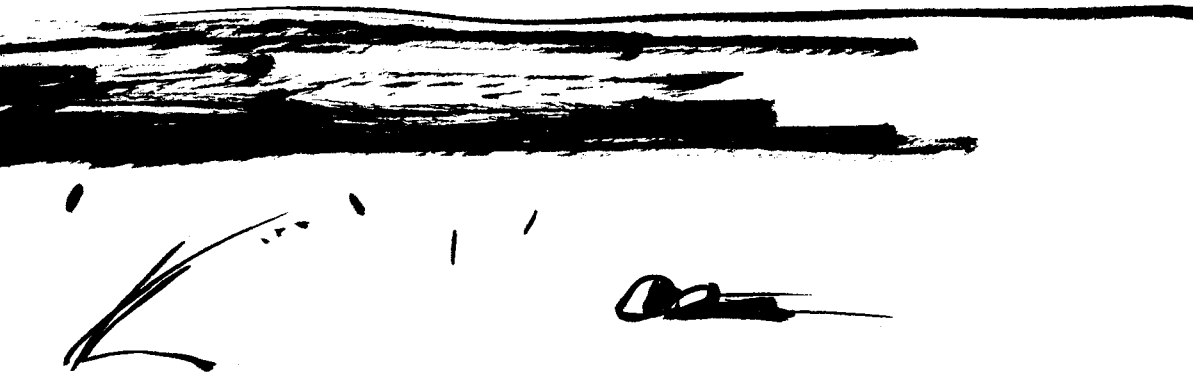
М. К.

Прекрасно рисует Мария,
Особенно белку и лиса,
Особенно птицу и рыбу,
Особенно листья и лица.

Хотел бы и я поселиться
В том маленьком мире Марии,
Где славные звери такие,
Такие хорошие листья,
Такие хорошие лица!

1966

* * *

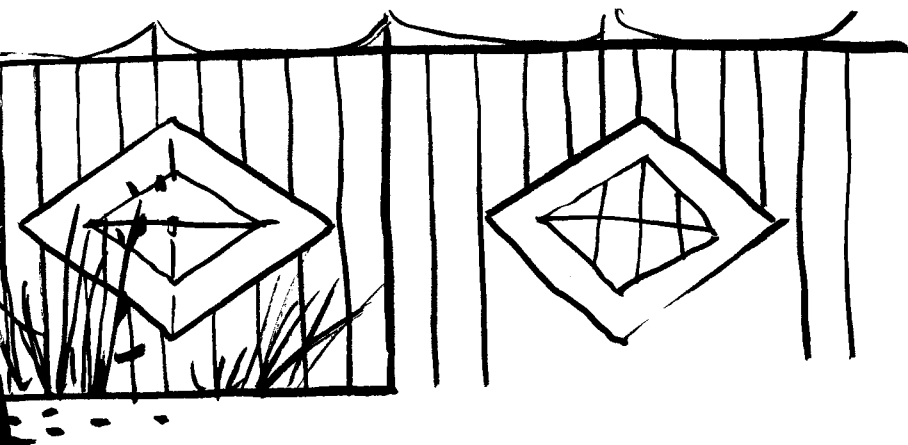
Будь счастлив, сын, мечтой о лете
В дни снегопада, в феврале,
Покуда снег, как лебедь к Леде,
Слетает медленно к земле.

Будь счастлив, сын, мечтой о юге
В час серой скуки зимним днем,
Когда туман бинтует руки
Садов белесым полотном.

Будь счастлив, сын, мечтой о море
В глуши февральского житья,
Где сгинут снег, туман и горе
И будет море, ты и я.

1966

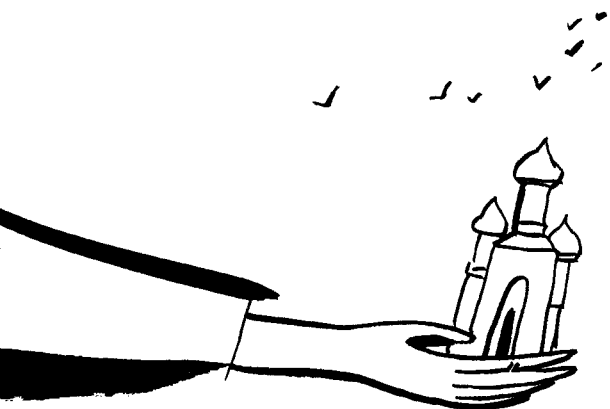
ПУСТЫРЬ

Подвыпившие оркестранты,
Однообразный цок подков.
А мне казалось — там пространство,
За садом баронессы Корф.

Там были пустыри, бараки,
И под кладбищенской стеной
Храпели пыльные бродяги,
Не уходившие домой.

А кладбище цвело и пело
И было островом травы.
Туда бесчувственное тело
Везли под грузный вздох трубы.

Но дальше уходили трубы
Вдоль белокаменной стены,
И марши не казались грубы,
А вдохновенны и нежны.

Над белым куполом церковным
Вдруг поднималось воронье.
А дальше — в свете безгреховном
Пространство и небытие.

И светом странным и заветным
Меня пронизывал дотла
При звуках музыки посмертной
Осколок битого стекла.

1968

Handwritten text in cursive script, oriented vertically and horizontally, appearing to be a dense, layered message or a complex narrative. The text is written in black ink on a white background.

Handwritten text in cursive script, oriented vertically and horizontally, appearing to be a dense, layered message or a complex narrative. The text is written in black ink on a white background.

Handwritten text in cursive script, oriented vertically and horizontally, appearing to be a dense, layered message or a complex narrative. The text is written in black ink on a white background.

Handwritten text at the bottom of the page, possibly a signature or a concluding note, written in cursive script. The text is written in black ink on a white background.

* * *

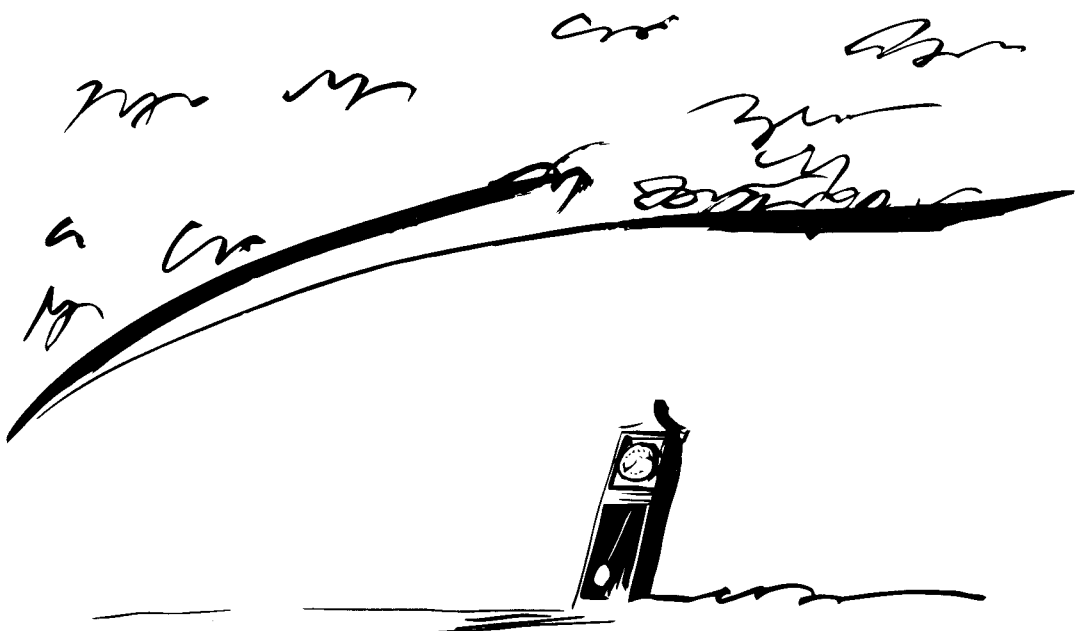
Лишь изредка рождается в нас
Мотив помимо воли,
Как бы вскрывается запас
В нас заточенной боли.

И, вслушиваясь, узнаешь
В нем все пережитое —
Какой-то тóлок, и галдеж,
И гул былых историй.

Довольно, память! Помолчи!
Пускай, свечу задувши,
Я слюнку сладкую в ночи
Почую на подушке.

1969

* * *

Мне снился сон. И в этом трудном сне
Отец, босой, стоял передо мною.
И плакал он. И говорил ко мне:
— Мой милый сын! Что случилось с тобою!

Он проклинал наш век, людей, судьбу.
И за меня он требовал расплаты.
А я смиренно говорил ему:
— Отец, они ни в чем не виноваты.

И видел я. И понимал вдвойне,
Как буду я стоять перед тобою
С таким же гневом и с такой же болью...
Мой милый сын! Увидь меня во сне!..

1970

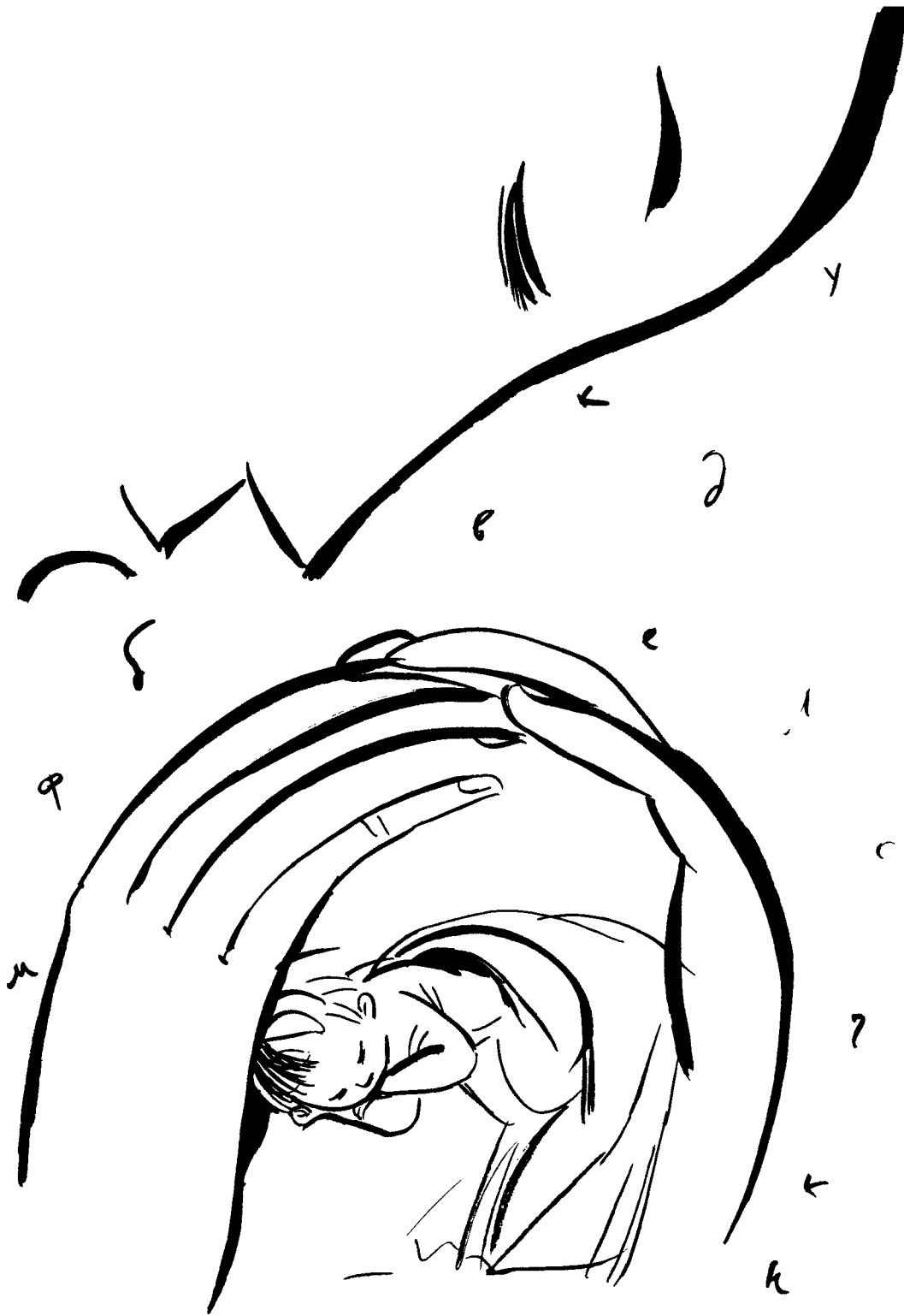

* * *

Для себя, а не для другого
Я тебя произвел на свет...
Произвел для грозного Бога —
Сам ты будешь держать ответ.

Ты и радость, ты и страданье,
И любовь моя — малый Петр.
Из тебя ночное рыданье
Колыбельные слезы пьет.

1971

* * *

В августе, когда заголубели
Окна, словно сонные глаза,
Закричал младенец в колыбели,
Но не пролилась его слеза.

Мать легко, разбуженная плачем,
Сон с ресниц стряхнула, как песок,
И склонила голову над младшим,
И младенцу подала сосок...

1973

* * *

Выспалось дитя. Развеселилось.
Ляльки-погремушки стало брать.
Рассмеялось и разговорилось.
Вот ему какая благодать!

А когда деревья черной ратью
Стали тихо отходить во тьму,
Испугалось. Страшно быть дитятью!
Поскорей бы возрастать ему.

1974

Handwritten scribbles and a signature on the left margin.

* * *

Надо так, разбираясь толково,
Узнавать о своих сыновьях,
Словно без толмача разбитного
Путешествуешь в чуждых краях.

Да и что нам толмач растолмачит
В их превратной и легкой судьбе!
Только что-то в ней переиначит,
Перешьет и примерит к себе.

Да и как нам, бывлым забиякам,
Понимать своих хмурых котят?
Разве что по таинственным знакам?..
Впрочем, пусть их живут, как хотят!

1976

* * *

Я учился языку у нянек,
У молочниц, у зеленщика,
У купчихи, приносившей пряник
Из арбатского особнячка.

А теперь мне у кого учиться?
Не у нянек и зеленщика —
У тебя, моя ночная птица,
У тебя, бессонная тоска.

1976

* * *

Был ли счастлив я в любви,
В самой детской, самой ранней,
Когда в мир меня влекли
Птицы первых упований?

Ах! в каком волшебном трансе
Я в ту пору пребывал,
Когда на киносеансе
Локоть к локтю прижимал!

Навсегда обречены
Наши первые любви,
Безнадежны и нежны
И нелепы в каждом слове.

Посреди киноромана
И сюжету вопреки
Она ручку отнимала
Из горячечной руки.

А потом ненужный свет
Зажигался в кинозале.
А потом куда-то в снег
Мы друг друга провожали.

Видел я румянец под
Локоном из теплой меди —
Наливающийся плод
С дерева будущих трагедий...

1979

РЕВНОСТЬ

Я влюблен. Мне пятнадцать. Она холодна.
Я, отвергнутый, к ней не иду на рождение.
Жить мне нелегко. Испиваю до дна
Нелюбовь, одиночество и унижение.

За дворами сгорает заря на Москве.
Наблюдает пожар каланча на Сущевке.
Опускается сумрак. Как при волшебстве,
Фонарей зажигаются длинные четки.

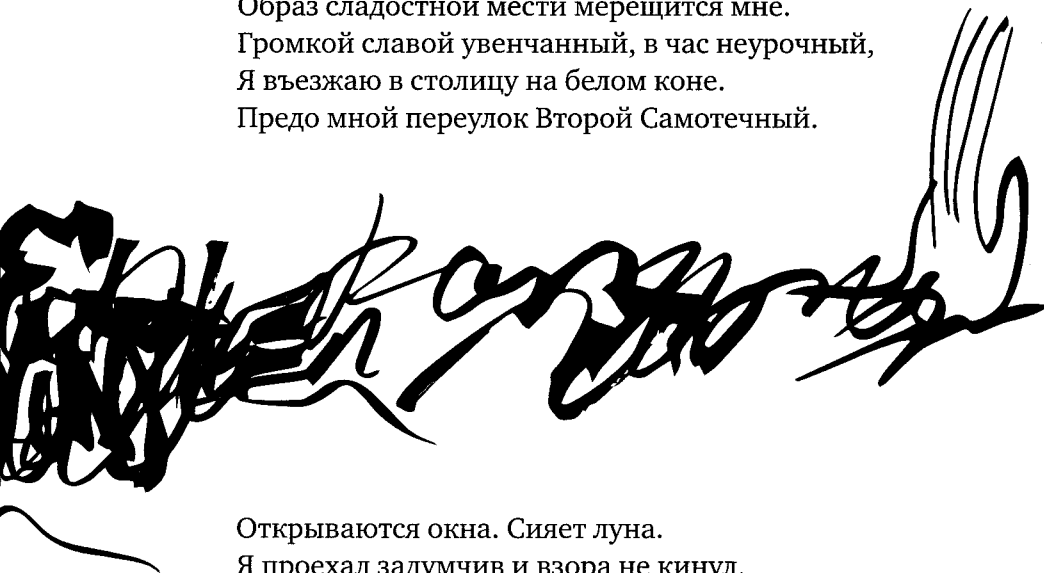

Во Втором Самотечном пустынно. Туда
Лишь бродячие псы совершают набеги.
Но над снегом горит высоко, как звезда,
Золотое окошко, висящее в небе.

Там она. Там на тюле ее силуэт.
Там счастливый соперник ликует за чаем.
Я взбешен со всей силой пятнадцати лет.
Я в отчаянье. Но и жесток и отчаян.

Образ сладостной мести мерещится мне.
Громкой славой увенчанный, в час неурочный,
Я въезжаю в столицу на белом коне.
Предо мной переулок Второй Самотечный.

Открываются окна. Сияет луна.
Я проехал задумчив и взора не кинул.
Вслед мне в позднем раскаянье плачет она.
А соперник растерянный чай опрокинул.

Нет! Тогда я не стану врага попирать,
Ибо мы не злопамятны и горделивы.
Лишь одною печалью могу покарать:
Будь счастлива, любимая! Будьте счастливы!

1980

ПРО ОХОТНИКА

Стоит белый камень.
На камне белый город.
Над городом белый облак.
Над облаком белый лебедь.
Пришел охотник,
Прицелился каленой стрелою.
Упал белый лебедь
На белый облак,
А белый облак
На белый город,
А белый город
На белый камень.
Ушел охотник.
Один камень остался.

1981

ПРО ВАНЮШКУ

Просит Ванюшка у мамушки:
— Испеки ты мне шанежки —
Целый пуд.
— А зачем тебе, Ванюшка,
Шанежек
Целый пуд?
— Я шанежки возьму
Да на торг пойду.
Продам я шанежки,
Получу за них денежки.
— А зачем тебе, Ваня, денежки?
— Куплю кафтан ала бархата,
Да сапожки козловые,
Да ружье куплю с насечками.
Как откину у кафтана полу,
Как топну три раза сапожками,
Как начну из ружья палить,
Бояре в городе испугаются,
Слуги боярские поразбегаются.
Заберу я у них казну,
Заберу и себе возьму.
— Ах ты, Ванюшка, глупый Ванюшка.
Бояре-то в городе сильные.
Не дадут тебе казну.
Лучше ты ступай ко сну.

1981

ВЕЧЕРОМ

Мальчик играл в оловянных солдат,
Девочка куклу качала.
Этот тысячелетний обряд
Весь повторялся сначала.

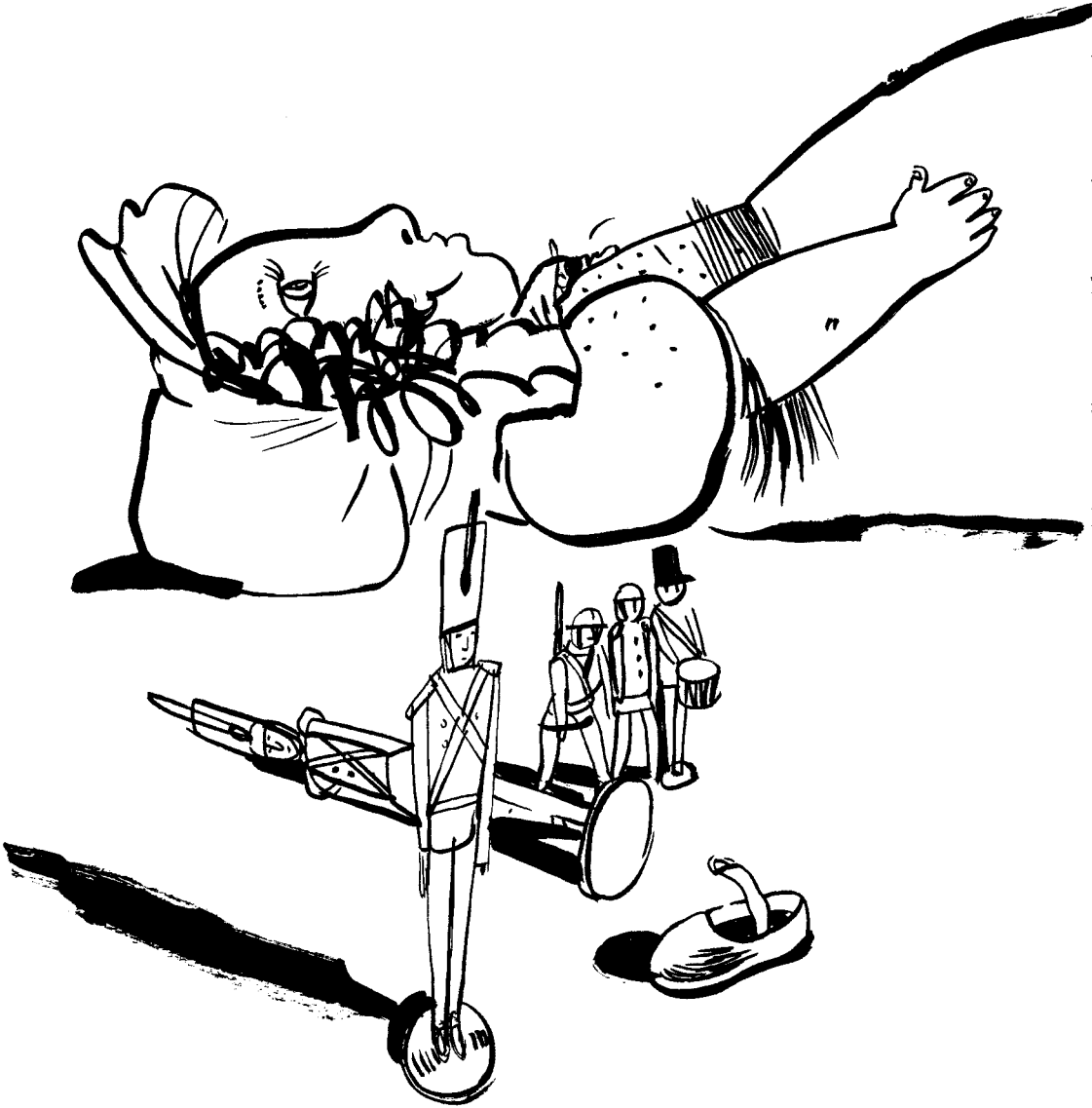
Девочка спела свое: «Ай-люли»,
Мальчик заснул героем.
Ветки качались. По небу шли
Тучи сомкнутым строем.

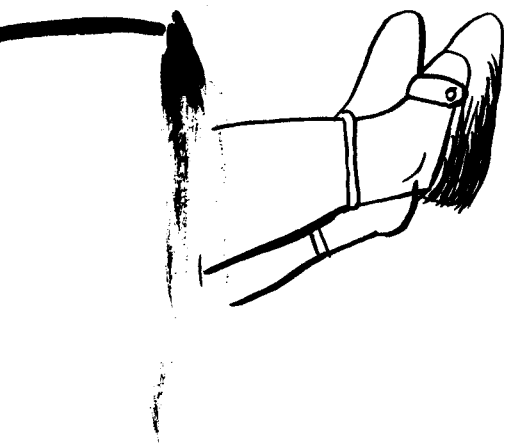
Глаз не смежая, кукла спала.
И на ночном привале,
В кучу сбившись у края стола,
Стоя солдатики спали.

1985

МАЛОЛЕТОК

В шесть лет он написал стихи про осень.
А было лето. Он был поражен,
Впервые ощутив порыв поэта
И первых рифм двукратный перезвон.
Потом он написал, что рябь ручья
Подобна крупной терке. И еще
Две строчки: «Я хотел бы стать природой,
Быть птицей, яблонею или снегом».
Потом в семь лет: «Я не могу не быть».

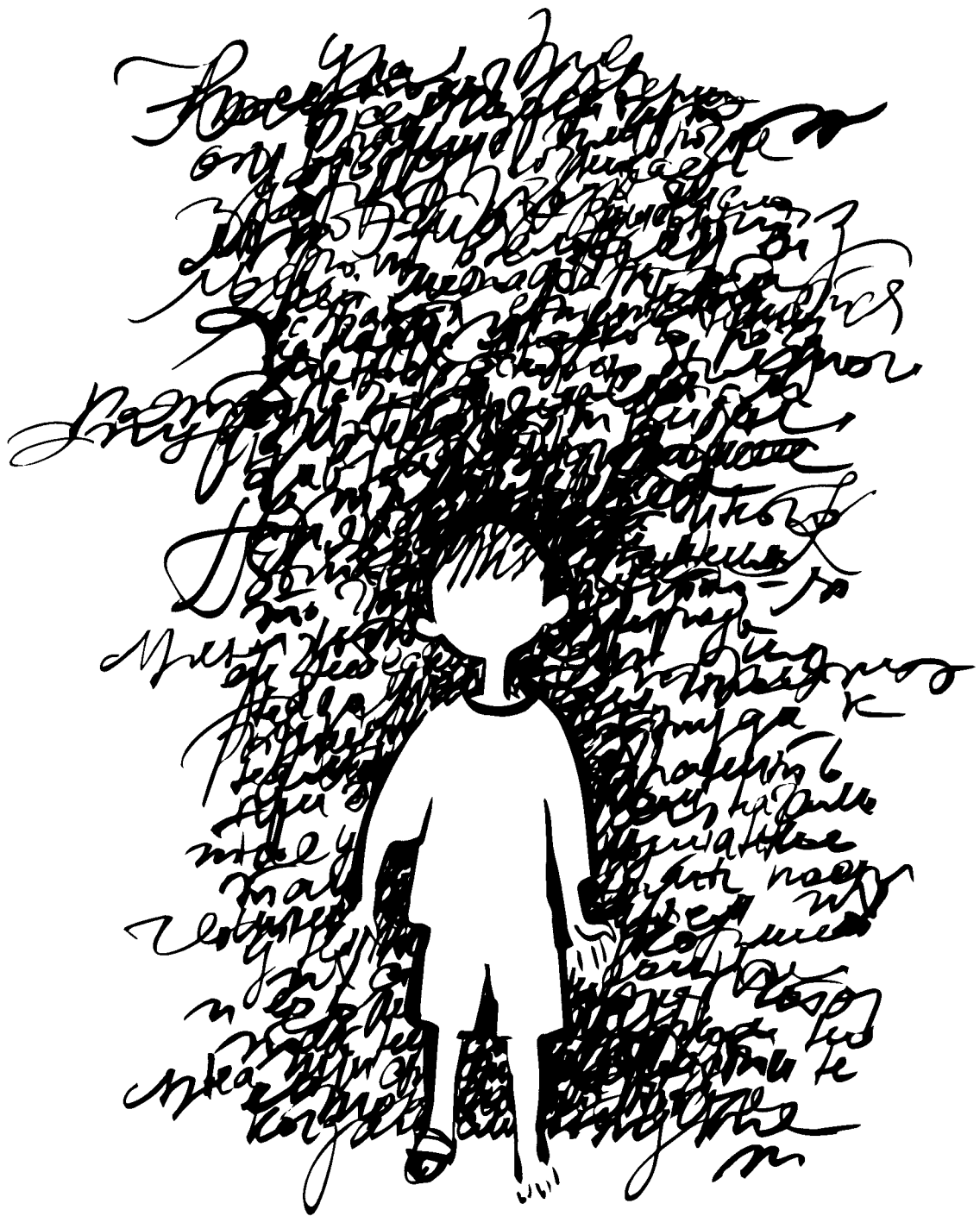
~

Just pure
happiness
and joy
and love

Мир
Мир
Мир
Мир
Мир

Он был довольно хлипок, большеглаз
И лопоух. Не избегал проказ.
Но постоянно мучила ангина.
Тогда в постель укладывали сына
Родители. И это он любил.
В ушах его жужжало и шумело,
Кровать его взлетала и летела,
Он сочинял: «Разбойничий фрегат
Летит по небу, весел и пернат».
Болея, прочитал десятки книг.

Любил халву. И странный вел дневник.
Родители, конечно, понимали,
Что сын их гений. И ему внимали.
Перепечатывали каждый стих.
Показывали людям. Что взять с них!
Друзей он не имел, поскольку сильно
Опережал ровесников.

В двенадцать

Влюбился страстно. Но его предмет
Был старше ровно на двенадцать лет.

Он ей писал: «Я буду плакать дико,
Когда тебя утрачу, Эвридика!»
Ей был смешон невинный мизантроп,
Но поощрен был поцелуем в лоб...

Он числился при Доме пионеров
В литературной студии «Ромашка».
Руководитель студии, бедняжка,
Был сам поэт. И не любил талантов.
Ему был нужен заурядный фон.
К тому ж обиду затаил писака,

Поскольку мальчик про него сказал:
«Мне стыдно было бы писать, как он».

Итак, отсутствием успехов внешних
Уравновешивалось восхищенье
Знакомых и родителей.

Но вдруг
В их городок примчалась из столицы
Вяательница Голубых Чудес,
Имевшая в большой газете вес.
Стихи ребенка даму покорили,
 В восторженно-сентиментальном тоне
Оттопала она на ремингтоне
Статью, где объявлялся новый гений.
(А нас давно уверила печать,
Что в гении возможно назначать.)
 Подборку напечатали в газете.
И тут о мальчишке заговорили.
(У нас когда уже заговорят,
То в говорении не знают меры.)
Прославилась «Ромашка». Всю семью
 Сто раз отобразили в интервью.
Уж малолетка прочили в Гомеры.
Откликнулись на это пионеры,
Водители такси, пенсионеры,
Учителя, артисты, инженеры
И прочие любители стихов...

never
in the
ground

a

Один поэт, довольно знаменитый,
Почуяв славы душный запах,
О малолетке написал стишок.
 Семья цвела. Его боготворили.
 И даже в школе был он полубог.
Он стал заносчив, то есть одинок.
 А как стихи? Да так. Он их писал,
Уже не ожидая вдохновенья.
Взрослел. Но стих его не повзрослел.
Тогда он начал нажимать на тему.
И строки шли уже натужно, вяло,
Неискренне — дыханья не хватало.
Он был еще хвалим, но постепенно
К нему утрачивали интерес.
 Он стал угрюм и зол. Забросил книги.
Родители шептали про интриги,
Про зависть в литераторских кругах.
А он остановился и зачах.

Ему обрыдла жизнь. Живя во мгле,
Порой он горло примерял к петле.

Вы скажете, его убила слава.

Не думаю. Ее шипучий хмель
Бодрит и возбуждает вдохновенье.
Нет, он упал, как недозревший плод.

Поэты совершаются в семнадцать —
Чуть раньше или позже. А в ребенке
Вдруг возникает образ, звук, число.
Поэзия — душевный опыт в слове.
И в ней метафоры — остаток детства.
Лишь на заре людского разуменья
Основною был образ, а не мысль.

Дитя-поэт — виденье давних эр.
Ожившее дитя палеолита,
Смятенное среди иного быта,

Поскольку вспомнило то, что забыто, —
Язык природы и небесных сфер.

Им надо много сил, чтобы прийти
Оттуда к нам. И сохранить при этом
Начальное, услышанное там.
А мы поспешно поселяем их
У нас. И кормим их своим сюжетом,
Который так неудобоварим.
Но наши страсти непосильны им...
 Поэты начинают тогда,
 Когда их, словно на тугом батуте,
Подбрасывает время. Сколько нужно,
Чтобы при этом не сломать костей!..
 Родители невиданных детей,
С ребенком обращайтесь осторожно!
Ужасен стиль восторженных статей.
Не верьте им. Их содержание ложно.
Храните тех, кто обретает речь!..
А впрочем, вундеркиндов можно сечь...

1984—1986

От составителя

Даты составивших эту книгу стихотворений ясно свидетельствуют: раздумья о детстве и отрочестве, животворящие воспоминания о, казалось бы, безвозвратно ушедшем, стремление воскресить свою «начальную пору» и открыть в ней общий для всех духовный смысл не оставляли Давида Самойлова (1920—1990). Верность одного из самых больших русских поэтов XX столетия этой теме — разом счастливой и трагической, ее совершенно особое место в мире Самойлова, удивительные, порой неожиданные, но всегда точные сопряжения ее вариаций позволили нам пойти на рискованный эксперимент: сделать то, что было лишь тайно намечено самим поэтом, собрать под одной обложкой самоейловскую лирику, вышедшую «из детства». Надеемся, что название книги не только формально повторяет имя бесспорного поэтического шедевра, но и сохраняет его смысл. Стихотворение «Из детства» в равной мере говорит и о том, что пора нашего открытия жизни, собственного «я», поэзии всегда остается с нами, и о ее конечности. Предлог «из» означает как принадлежность детству, так и выход за его пределы.

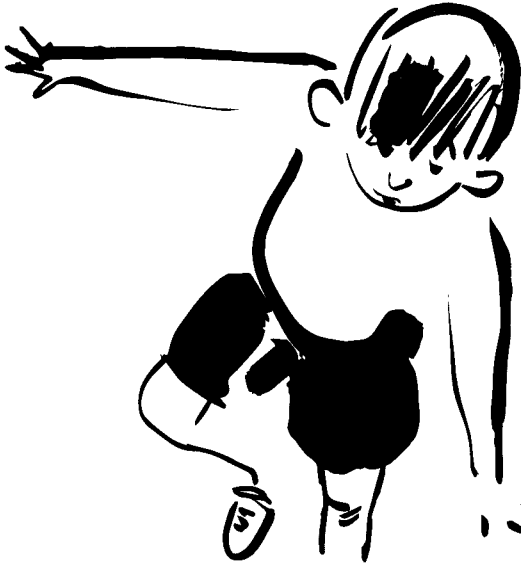
Открывая для себя впервые или проживая вновь стихи Самойлова о начальных «эпохах развития» (Л. Н. Толстой), взрослый читатель узнает свое минувшее (сколь бы ни отличалось оно внешними приметами от выпавшего поэту), а читатель юный, подросток и даже ребенок, начинает догадываться о внутреннем единстве всякой человеческой судьбы, о неизбежности будущих утрат и способах их преодоления. Ставшее «крылатым словом» название тургеневского романа подразумевает не только болезненный поколенческий антагонизм, но и свыше предначертанную теснейшую связь отцов и детей. Это твердо знал создатель трагического стихотворения, в котором умерший «босой отец» оплакивает участь сына (поэта), а тот, предчувствуя свои — такие же — посмертные гнев и боль, восклицает: «Мой милый сын! Увидь меня во сне!..» Есть надежда, что стихи Самойлова могут помочь нам сохранить это щемящее жизненно необходимое чувство.

Андрей Немзер

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка	7
Из детства	11
Цирк.	13
Золушка	19
Зимние стихи.	25
Аленушка	29
«Подставь ладонь под снегопад...»	31
Карусель	37
Двор	41
Рисунок	47
Колыбельная вполголоса.	53
Подросток	59
Двор моего детства	61
Выезд	65
Марии	69

«Будь счастлив, сын, мечтой о лете...»	71
Пустырь	73
«Лишь изредка рождается в нас...»	77
«Мне снился сон. И в этом трудном сне...»	79
«Для себя, а не для другого...»	81
«В августе, когда заголубели...»	83
«Выспалось дитя. Развеселилось...»	85
«Надо так, разбираясь толково...»	87
«Я учился языку у нянек...»	89
«Был ли счастлив я в любви...»	91
Ревность	95
Про охотника	99
Про Ванюшку	101
Вечером	103
Малолеток	105
<i>От составителя. Андрей Немзер</i>	118

Handwritten text, possibly a signature or a short message, written in a cursive style. The text is partially obscured by the figure's legs and is difficult to decipher.

Handwritten text, possibly a signature or a short message, written in a cursive style. The text is partially obscured by the figure's legs and is difficult to decipher.

Литературно-художественное
издание

ДАВИД САМОЙЛОВ
ИЗ ДЕТСТВА

Стихи

Редактор
Регина Данкова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Верстка
Алексей Иванов

Корректор
Елена Плёнкина

Подписано в печать 25.10.2019.

Формат 70х90/16.

Усл. печ. л. 9,36.

Тираж 2000 экз.

Заказ № 981.

ООО «Издательство “Время”»

117105, Москва, Варшавское шоссе, 3

Телефон (495) 954 10 82

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

books.vremya.ru